

УДК 321.96

СМЕРТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТА В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

М. В. Черников

Институт менеджмента, маркетинга и финансов

Поступила в редакцию 26 января 2012 г.

Аннотация: *обсуждается проблема бытия Интеллекта в условиях фундаментальных трансформаций общественного бытия и общественного сознания в современном мире. Рассматриваются вызовы мироощущению и социальной функции Интеллекта со стороны того стиля жизни и философствования, который складывается в обществе Постмодерна.*

Ключевые слова: *Интеллекта, истина, правда, классическая научная рациональность, неклассическая научная рациональность, Постмодерн.*

Abstract: *the article deals with the problem of the Intellectual's existence within the fundamentally transforming modern society. Challenges peculiar to the Post-Modernist society that are faced by the Intellectual are discussed. These challenges include specific Post-Modernist lifestyle and philosophy.*

Key words: *Intellectual, truth, classical scientific rationality, non-classical scientific rationality, Post-Modernity.*

Глубинной и, можно сказать, смыслоопределяющей установкой сознания Интеллекта традиционно было признание наличия сущностной Истины, скрывающейся за многообразием видимых явлений, признание глубинной логики, определяющей протекание наличествующих процессов и в природном, и в социальном, и в экзистенциально-духовном измерениях.

Интеллекта – тот, кто использует свой интеллект для поиска Истины (гносеологическая составляющая сознания Интеллекта). Истина же укоренена в сущем, задавая действительную (в противоположность мнимости, кажимости), а потому – высшую – норму бытия сущего, т.е. задавая Правду (онтологическая составляющая сознания Интеллекта). Ориентируясь на Истину, Интеллекта призван возвещать имплицитную Истиной Правду, как бы печально это не отразилось на повседневном существовании самого Интеллекта (аксиологическая составляющая сознания Интеллекта) [1]. Фактическое наличие такого рода установочных представлений в сознании Интеллекта (также, заметим, в общественном сознании социума, инкорпорирующего в себя Интеллекта) указывает на духовную родину самого феномена интеллекта, каковой в Новое время (если не окунуться в далекое историко-философское прошлое) можно считать так называемую классическую научную рациональность.

2012. № 1

186

Классическая научная рациональность – совокупность парадигмальных установок, фундирующих развитие классической науки нового времени, в первую очередь – классической (ньютоновской) физики.

Онтологическими установками классической научной рациональности были представления о мире как бесконечно многообразной совокупности феноменов, за которыми, однако, скрывается ограниченное число управляющих этим многообразием относительно простых законов. Правомерной признавалась концепция жесткого детерминизма. Вероятность, случайность, неопределенность не имели онтологического статуса, а объяснялись неполнотой человеческого знания.

Гносеологическим убеждением в рамках классической научной рациональности было признание принципиальной познаваемости мира, который считался «прозрачным» для познающего взора.

Наличие таких представлений и определяло пафос (аксиологическая установка) классической научной рациональности. Высший прагматический смысл получал путь научного поиска непотаенной в своей сути Истины сущего. Выстраивался культ Разума, способного преодолеть сугубо видимую сложность, мозаичность, мельтешащую неопределенность мира явлений и проникнуть в глубь бытия, постичь его суть. Известные строчки Б. Пастернака хорошо передают этот, можно сказать, прометеевский дух классической научной рациональности:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

Культурологическое оформление классической научной рациональности определилось как дух Просвещения, как дух общества Модерна (modernity). Сознание Интеллекта, сама возможность интеллигенции как миссии и социальной функции укоренены в обществе Модерна.

Однако уже на рубеже XIX–XX веков классическая научная рациональность начинает уступать пальму первенства так называемой неклассической научной рациональности [2].

Удары по глубинным установкам классической научной рациональности наносились и с философских позиций (неокантианство, иррационализм XIX века), и с позиций обретшего самосознание духа гуманитарных наук (Дильтей, Виндельбанд, Риккерт), но решающим фактором в

этом плане стали все-таки революционные трансформации классического естествознания, возникновение новых научных идей и направлений. Теория эволюции (позже – синергетика), теория относительности, квантовая физика (позже – физика элементарных частиц и физика высоких энергий) смогли обрести мировоззренческое фундирование только за счет смены фундаментальной научной парадигмы, перехода от классической к неклассической научной рациональности.

В рамках неклассической научной рациональности господствует представление о нередуцируемой к некоторому числу простых законов онтологической сложности, демонстрируется весьма ограниченный характер применения принципа жесткого детерминизма. Случайность, вероятность, неопределенность получают уже сущностный, т.е. онтологический, статус.

Согласно гносеологическим установкам неклассической научной рациональности, мир больше не представляется познавателю «прозрачным», поскольку обнаруживаются не допускаемые в рамках классической научной рациональности эффекты, такие как, например, неустраняемое влияние субъекта познания на познаваемый объект (в рамках классической научной рациональности считалось, что всегда можно корректным образом исключить такое влияние, как бы вынести субъекта познания «за скобку»).

И все же этот, начавшийся на рубеже XIX–XX веков мировоззренческий сдвиг носил относительно элитарный характер и затронул главным образом узкий слой философов и философски мыслящих ученых. Общекультурным достоянием наметившийся мировоззренческий переход от классической научной рациональности к неклассической не стал даже в XX веке и, соответственно, мало повлиял на сознание Интеллекта, пропитанное духом классической научной рациональности.

Подрыв, своего рода деконструкция сознания Интеллекта, и, более того, идеологическая аннигиляция миссии Интеллекта, дискредитация его социальной функции оказались обусловлены протеканием совсем других процессов.

В конце XX века происходят радикальные трансформации всей системы общественных отношений, а соответственно, и жизненного мира современного человека. По-видимому, в этот период достигает неких критических рубежей общая тенденция расширенного воспроизводства, экономическая и социально-политическая инкарнация которого обобщенно называется «капитализм»

Капитализм подобно раковой опухоли существует только за счет роста, который захватывает и вовлекает во все нарастающий поток изменений все новые и новые области. Экстенсивным обеспечением капиталистического роста является использование новых материальных и людских ресурсов, интенсивным – прогрессирующая специализация производителей и развитие технологий.

Во второй половине XX века сложились условия для особо впечатляющего проявления всех этих тенденций. В процесс капиталистического производства было вовлечено практически все население Земли, была

выстроена глобальная система территориально-отраслевой специализации, сформировалась всемирная финансовая система, основанная на единой мировой валюте – долларе США. Интенсифицировались и достигли потрясающих скоростей потоки ресурсов, капиталов, информации. Соответственно, сложность и многофакторность общественного бытия приобрели поистине невиданные размеры.

Не отставал и второй фактор капиталистической экспансии – научно-технический прогресс. В послевоенный период достиг расцвета так называемый четвертый технологический уклад (*ключевой фактор*: двигатель внутреннего сгорания; *ядро технологического уклада*: автомобилестроение, авиастроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, синтетические материалы, органическая химия, производство и переработка нефти) и был реализован переход к пятому технологическому укладу (*ключевой фактор*: микроэлектронные компоненты; *ядро технологического уклада*: электронная промышленность, вычислительная, оптоволоконная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, производство и переработка газа, информационные услуги). В ближайшем будущем (если не помешают обострившиеся в современной капиталистической миросистеме социально-политические процессы) ожидается переход к шестому технологическому укладу (*ключевой фактор*: нанотехнологии, клеточные технологии; *ядро технологического уклада*: наноэлектроника, молекулярная и нанофотоника, наноматериалы и наноструктурированные покрытия, нанобиотехнология, наносистемная техника) [3]. Сложность технологий и произведенных при их помощи товаров приобрела запредельный характер. А переход к нанотехнологиям обозначил еще один «пугающий» процесс: мощностные технологии опередили мощь познающего разума. Новые устойчиво достигаемые технологические эффекты зачастую не получают удовлетворительного научного объяснения. Привычная для XX века картина, когда ученые, открывая новые эффекты, задавали тем самым направление технологических революций, сменилась (по крайней мере в настоящее время) ситуацией неуправляемого и теоретически плохо понимаемого технологического прогресса.

Особо надо подчеркнуть неимоверно выросшие (и все более стремительно растущие) объемность и сложность когнитивно-информационной сферы. По экспертной оценке, начиная с середины XX века объем мировых знаний удваивался каждые 20 лет. При этом из всего объема знаний, измеренных в физических величинах, которыми располагает человечество, 90% получены в последние 30 лет, так же как 90% от общего числа ученых и инженеров, подготовленных за всю историю цивилизации – наши современники [4, с. 70].

Уже длительное время мощь общего числа компьютеров удваивается в среднем каждые 18 месяцев (эта эмпирическая закономерность пока не объяснена). При этом, начиная с 1991 года, объем информации на каждом квадратном сантиметре компьютерных дисков увеличивается в среднем в 1,6 раза в год.

Неимоверная сложность функционирования и развития современного – гиперинформационного – общества породили особого рода феномен: все расширяющий сектор присваивающего хозяйства, существующий в рамках глобальной системы производящего хозяйства. Отдельный человек, поневоле включенный во всеобщий муравейник-конвейер мирового капиталистического производства, занимается производящей деятельностью только в узком объеме своей специализации, за пределами которого он может лишь приобретать на имеющиеся денежные ресурсы те или иные блага, т.е. вести, по сути дела, присваивающее хозяйство. Отчужденный от функционирования производящего целого как на деятельностном, так и на информационно-когнитивном уровне человек не способен сознательно, целенаправленно повлиять на функционирование целого, так же как и не способен уразуметь, понять логику функционирования целого.

Менталитету такого человека становятся присущи черты (обычно изучаемые антропологами на примере примитивных обществ), характерные для сознания людей, ведущих присваивающее хозяйство: мифогенность, тяга к мистическим и магическим практикам, когнитивная синкретичность, алогизм, затрудненность выделения причинно-следственных отношений и склонность подменять их логикой «бриколажа» (К. Леви-Стросс), повышенная эмоциональность и возбудимость, предрасположенность к параноидальным и /или шизофреническим отклонениям.

Своего рода общекультурным знаменателем такого рода процессов, реакцией на неимоверно выросшую сложность и неопределенность общественного бытия человека стал тот особый стиль мировосприятия и философствования, который именуется Постмодерном.

Для Постмодерна характерно признание исчерпанности традиционных форм рационального мышления, что диктует необходимость перехода к новым ментальным практикам. Постмодерн снимает саму проблему объективной реальности, переключаясь на субъективность индивида. В результате мир воспринимается как условность, действительность – как нечто мнимое, которое хорошо описывается метафорой сновидения. Практикуется и популяризируется так называемое «следовое восприятие», предполагающее скольжение субъекта по поверхности явления без понимания сущности последнего. Считается, что все, принимаемое за действительность, на самом деле лишь некое представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления.

Постмодерн настаивает на принципе множественности истин (логический закон исключенного третьего теряет свой смысл) – каждый субъект может высказывать об объекте противоположные, но одинаково справедливые суждения. Истина – это только слово, обращенное к собеседнику, прием, позволяющий наладить взаимопонимание. Слово – часть текста, сообщения. Сам же текст не столько отображает реальность, сколько творит ее заново. Так, создается как бы множество реальностей, поскольку существует соответствующее число интерпретаций текста. Становится

невозможным говорить о подлинной реальности, на ее место приходит неограниченный набор реальностей виртуальных. Каждый тип виртуальной реальности характеризуется своей логикой и требует использования своего типа рациональности. При этом становится практикуемой и оправданной как деконструкция виртуальных реальностей (единственного материала, доступного восприятию человека), так и их произвольное конструирование. Отсюда стилистика «цитат и ковычек», постоянное заимствование «приглянувшихся» фрагментов из неограниченного набора культурных и исторических текстов, практика аллюзий, иронии, бесконечно повторяющейся рефлексии.

Для Постмодерна характерна «утрата любого чувства истории, и как надежды, и как памяти» (П. Андерсон). Истории одинаковой для всех просто не существует. Соответственно, отрицается наличие универсальных, глобальных проектов будущего, которые объявляются безвозвратно дискредитировавшими себя иллюзиями Модерна. В этом плане Постмодерн девальвирует, элиминирует саму возможность осознанной и ответственной политической мобилизации, на ее место приходят манипулятивные практики и политтехнологии. Управление человеком реализуется через внедрение в его жизненный мир специальных вирусов, симулякров (точных копий реально не существующего оригинала). На место индивида приходит дивид. Дивид, в отличие от индивида, не ищет смысла, он им оперирует. Он не ищет свободы, он свободен. Ему неведомы табу, ему нечего нарушать. Он не тратит жизненные силы на постижение того, какова реальность. Он не спрашивает: «что есть истина?». Он вообще не спрашивает, полагая, что тотальная бессмысленность – это и есть наивысший смысл.

Не трудно увидеть, что мировоззренческие установки Постмодерна напрочь отрицают фундаментальные предпосылки сознания Интеллекта. Поиск Истины и артикуляция Правды в мире, где Истина аннигилирована и распылена на множество истин, а Правда субъективирована, виртуализирована и редуцирована до индивидуальной правды, становятся смехотворными. Возвещается смерть Интеллекта. Тот, кто берет на себя роль Интеллекта, ищущего Истину и артикулирующего Правду, объявляется в лучшем случае наивным, ретроградным чудачком, а в худшем случае – особым злонамеренным вирусом, специальным симулякром, выполняющим особого рода идеологическую, т.е. манипулятивно-пропагандистскую задачу.

В обществе Постмодерна на место интеллигенции прочат так называемый креативный класс. Этот класс, монополизирующий коммуникативные ресурсы и владеющий самыми разнообразными средствами трансляции: искусство, литература, СМИ, реклама, дизайн, – обретает гегемонию и начинает доминировать в деле смыслопорождения и организации возможных мобилизационных проектов – флеш-мобов. В условиях идеологического господства креативного класса расцветает особый глэм-стиль, отличительными чертами (маркерами) которого становятся неординарность, незашоренность, яркость, экзотичность, «розовость» [5].

Интеллигент же, с его серьезностью, ответственностью, принципиальностью, в такого рода условиях оказывается, как минимум, факультативен.

Однако о чем все это говорит? Господствующие в современном обществе тенденции, возведающие смерть Интеллигента, не свидетельствуют ли в большей мере о катастрофичности самого общества, перешедшего какой-то критический уровень сложности и, тем самым, потерявшего управляемость? Возможно, глубинное осмысление этой гипотетической ситуации и является последней миссией, своего рода «лебединой песней» Интеллигента как «уходящей природы» современной эпохи.

Литература

1. Черников М. В. Философия Правды в русской культуре / М. В. Черников. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2002.
2. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – 2-е изд. – М. : Лабиринт, 1994.
3. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М. : Экономика, 2010.
4. Иванов Д. В. Глэм-капитализм / Д. В. Иванов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2008.

Институт менеджмента, маркетинга и финансов

Черников М. В., доктор философских наук, зав. кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин

E-mail: ch@vmail.ru

Тел.: 277-59-25

Institute of Management, Marketing and Finance

Chernikov M. V., Doctor of Philosophy, Head of the Philosophy, Humanities and Social Studies DPT

E-mail: ch@vmail.ru

Tel.: 8(473) 277-59-25